

*Михаил Соколов,
доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге,
научный сотрудник Центра независимых
социологических исследований
sokolovmikhail@yandex.ru*

ОНЛАЙНОВЫЙ ДНЕВНИК, ТЕОРИИ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И РЕЖИМЫ РАСКРЫТИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

Эта статья состоит из двух частей. В первой, критической части рассматриваются теории виртуальной идентичности, которые превратились за последние годы в своего рода догму, овладевшую умами большинства исследователей взаимодействия в интернете. Основной тезис этих теорий сводится к следующему. Пользователи интернета обладают возможностью создать в Сети «виртуальную личность», выдав себя за обладателя атрибутов, на которые они не имеют шансов успешно претендовать в «реальной» жизни – скажем, представителей другого пола, возраста или социального статуса. Эта возможность обычно рассматривается как основная сила, влекущая индивидов к интернет-коммуникациям. Теории виртуальной идентичности предполагают, что сама по себе эта возможность есть нечто радикально новое, и что ее использование могло бы изменить как самих пользователей, так и – постепенно – весь «реальный» социальный порядок, держащийся на распределении этих атрибутов. Многочисленные факты, свидетельствующие о том, что подобных социальных следствий приобщение к интернет-коммуникациям не имеет, не получают из уст теоретиков виртуальности никакого объяснения.

Во второй части делается попытка на одном частном примере показать, что специфике взаимодействия в Сети можно дать и другую интерпретацию, не нуждающуюся в изобретении новых

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 05-06-06320а.

типов мотиваций для объяснения привлекательности сетевого общения. Для этого возможности интернета по созданию «виртуальной идентичности» рассматриваются в более широком контексте взаимодействий, в которых создаются идентичности их участников, пионером исследования которых был Эрвин Гоффман.

Любимым объектом изучения теоретиков виртуальной идентичности были чаты, точнее всего соответствующие идеалу абсолютно свободного в плане создания «виртуальной личности» взаимодействия. В данной статье основное внимание уделяется онлайн-дневникам, которые, также являясь порожденным интернетом типом интеракции, тем не менее крайне редко используются для создания любимых теоретиками виртуальности фиктивных персонажей. Предлагаемая в настоящей статье теоретическая модель позволяет обойтись без допущений о принципиальной новизне интерактивного опыта, возникающего у пользователей интернета, и тем самым доказывает от противного, почему его распространение и не должно было иметь тех глобальных социальных последствий, отсутствие которых оказалось для теорий виртуальной идентичности таким большим затруднением.

Основным материалом для анализа стали параллельное наблюдение за жизнью нескольких людей, которых автор близко знал, и изучение их дневниковых отчетов о происходивших с ними в это время событиях. На основании этих данных делается попытка проиллюстрировать некие общие принципы, встраивающие электронные коммуникации в социальную жизнь.

1. Невыполненное обещание теорий виртуальной идентичности

Миллениаристское сознание, видящее в современности непосредственную прелюдию к концу времен, периодически находило свой путь в социальные науки. Его самым эффективным появлением в XX в. было торжество фрейд-марксизма, ожидавшего то ли повсеместного наступления тоталитарного ада, то ли Великого Отказа и окончательного освобождения от уз технократической цивилизации (Адорно и Хоркхаймер, 1997; Маркузе 1995). После

заката новых левых в 70-х ощущение того, что нынешняя эпоха представляет собой переломный момент в истории, как будто временно покинуло большинство интеллектуалов.¹ Этот временный спад хилиастических настроений, однако, не был долгим. Два события, пришедшиеся на конец 80-х – начало 90-х, заставили живших тогда вновь почувствовать себя стоящими на пороге великих перемен. Одним из этих событий было падение Советского блока. Вторым – возникновение интернета.

Вера в интернет как в бога из машины, который преобразует наш мир моментально и до неузнаваемости, распространилась почти мгновенно. Сети потребовалось всего несколько лет, чтобы полностью вытеснить из этой роли в коллективном воображении космические полеты. Эта вера опиралась на много раз похороненный и много раз восстававший из мертвых технологически-детерминистский тезис, в соответствии с которым наличные средства производства в конечном счете определяют всю социальную организацию. Казалось почти самоочевидным, что новая техническая среда послужит источником совершенно новых моделей социального взаимодействия, которые затем будут импортированы в другие, оффлайнные области человеческого поведения.

Обратной стороной появления этих новых форм взаимодействия должно было стать возникновение новых идентичностей. Связь конфигураций социальных отношений и представлений о том, какова природа их участников, являлась одной из центральных тем социальной теории в XX в.² В этом духе

¹ Разумеется, это изложение страдает рядом упрощений. Теории постиндустриального общества распространились именно в 70-х; «Состояние постмодерна» было написано в 1979 (Лиотар, 1998 (1973)). Тем не менее для стороннего наблюдателя период между спадом молодежной революции и кризисом внутри Советского блока выглядит редким моментом в истории XX в., когда интеллектуалы не ждали тотального изменения условий существования современных обществ с минуты на минуту.

² Истоком этих теорий служит символический интеракционизм, психоанализ и социология дюркгеймовской школы, а своего самого важного развития они достигают у Гоффмана и Фуко. Краткие обзоры развития теорий идентичности (и критику неразборчивого употребления

первыми исследователями интернета часто высказывалось предположение, что опыт взаимодействия в Сети будет вести к ослаблению, и в перспективе к полному распаду традиционных идентичностей тех, кто этот опыт приобрел. Действительно, по известной формуле, в той модели отношений, которая задается Сетью, «каждый является тем, что он пишет». Никакие аскриптивные социальные категории, такие, как пол, возраст или этничность, по идее, неприменимы к участникам виртуальных интеракций, поскольку нет никакой силы, которая могла бы предписывать кому-либо играть (или не играть) какую-либо роль. Каждый создает собственный образ в глазах других с нуля, имея те же ресурсы, что и все остальные. Символическое насилие, вообще говоря, невозможно, потому что нет ресурсов, на которые такое насилие могло бы опираться. Опыт подобного общения, утверждали пророки виртуального, будет способствовать тому, что его участники раз и навсегда научатся не рассматривать аскриптивные элементы в качестве обязательной, неизменной и подлинной части идентичности (как собственной, так и других людей). Если в Сети я могу сойти за человека любого пола, любого возраста и любого социального статуса, то не значит ли это, что все эти свойства есть лишь посторонние атрибуты, не характеризующие меня-каким-я-есть-на-самом-деле? Более того, обладатели сетевого опыта станут воспроизводить ту же модель эгалитарного взаимодействия и вне Сети. Мир закоренелых интернетчиков будет миром без расовых, гендерных или социальных предрассудков.

Самые оптимистичные прогнозы содержали даже утверждения, что сетевой опыт информационных обменов может целиком вытеснить более старые, поддерживаемые традиционными СМИ, приведя в конечном счете к возникновению сообществ совершенно нового типа. При этом проводилась аналогия между развитием интернета и институтов национальной прессы, влияние которых на развитие идеи наций и теорий национализма в своей знаменитой книге 1983 г. описал Бенедикт Андерсон (Андерсон,

этого понятия) можно найти в (Брубейкер и Купер, 2002 (2000); Gleason, 1983).

2001). Он утверждал, что именно ежедневная общенациональная пресса впервые подтолкнула своих читателей к мысли о том, что они – все они – составляют «сообщество судьбы», коллектив людей, чьи жизненные пути переплетены друг с другом. Роль в этом играли, например, подборки новостей, отводивших известиям о жизни членов национального сообщества привилегированное положение по сравнению со всеми остальными новостями. Гибель 5 человек в Алтайском крае во время схода снежной лавины имеет все шансы попасть в новости общероссийского канала, но для того, чтобы такое же событие в расположенной по соседству части Китая было освещено, жертв потребуется по меньшей мере в тридцать раз больше. По поводу любой катастрофы СМИ считают необходимым сообщить нам, пострадали ли в них россияне, заставляя нас привыкать к мысли о том, что судьба других россиян, даже абсолютно нам незнакомых, должна быть для нас в некотором роде важнее судеб всех остальных людей. Именно таким образом mass media превращают национальные границы в границы субъективной важности, создавая возможность мысленного представления Нации – фигуры сознания, которая, по Андерсону, не была знакома людям предыдущих столетий, когда преобладали религиозные, корпоративные или сословные воображаемые сообщества.¹

Легко экстраполировать эту логику на интернет. Если нации замкнуты и отделяют тех, кто к ним принадлежит, от всех остальных (нация, охватывающая все человечество, указывает Андерсон, является терминологическим абсурдом), то Сеть создает модель взаимодействия, из которого никто не может быть исключен, и все участники равно важны друг для друга. В этом сообществе мгновенность связи отменяет важность пространственной близости, владение универсальным языком общения – культурных различий, а

¹ Здесь аргументация Андерсона совпадает с аргументацией других модернистских теорий нации (Геллнер, Хобсбаум), также утверждающих, что национализм как идеология, утверждающая важность совпадения политических и этнических границ, появляется лишь в XIII столетии. Однако непосредственные причины его появления в этих теориях выглядят различно – для Геллнера и Хобсбаума (Gellner, 1983; Hobsbawm & Ranger 1983) его появление симулируют классовые интересы, для Андерсона – появление культурных ресурсов, сделавших саму идею нации возможной.

анонимность – важность любых аскриптивных категорий.¹ Социальные теоретики типа Кастеллса и Баумана (Castells, 1997; Бауман, 2004) увидели непосредственные параллели между этой формой социальной организации – космополитической меритократией – и кочующей элитой времен глобализации.

Но самое важное из изменений, которые несет в себе Сеть, – изменения не только групповых идентичностей, но и персональной идентичности как таковой, изменение в представлении о том, что вообще значит быть человеком. Наши интуитивное понимание того, что такое личность, опирается на некоторые предпосылки, которые предположительно обусловлены данностями человеческой физиологии. Так, например, представление о том, что каждый человек имеет биографию, продолжительность которой до нынешнего момента легко оценить по его/ее внешнему виду, причем у каждого из нас подлинная биография может быть только одна, в значительной степени опирается, как мы предполагаем, на факты физической природы.² Сеть, однако, не подразумевает никаких ограничений такого рода. Мы могли бы поэтому ожидать, что самая идея личности будет эволюционировать в новой среде, однажды затронув и наши представления о том, что происходит в оффлайне. Вот список предполагаемых черт виртуальной личности, взятый из одного популярного в Рунете манифеста:

- 1) *бестелесность, редукция личности к ее семиотическим манифестациям (т.е. к текстам в самом широком смысле);*

¹ Этот образ Сети, разумеется, довольно далек от реальности, полной закрытых паролями зон и мест, доступ в которые проблематичен для всех, не обладающих необходимыми ресурсами и информацией.

² Вернее, физической природы какой-ее-видят-люди-западных-обществ. Антропологи второй половины XX в., начиная с Мосса (Moss, 1996; Гирц, 2004), развлекались тем, что перечисляли, в каких отношениях это понимание человечности отличается от присущего другим культурам в другие времена. В обществе, в котором верят во множественность человеческих душ и в их способность периодически путешествовать, покидая тело, и переселяться в другое тело после смерти, наша доктрина «одна личность – одно тело – одна биография» не представляется сама собой разумеющейся.

- 2) анонимность, по крайней мере, возможность таковой (ср. популярный афоризм, восходящий к карикатуре в журнале «Нью-Йоркер»: «В интернете никто не знает, что ты собака»); анонимность в данном случае следует понимать не как отсутствие имени, но как сокрытие реального имени или, говоря семиотически, как произвольную связь между «реальной» и «онлайновой» личностями;
- 3) расширенные возможности идентификации, свобода наделять виртуальную личность любым набором характеристик;
- 4) множественность, возможность иметь ряд различных виртуальных личностей одновременно или последовательно;
- 5) автоматизация, возможность полностью или частично симулировать активность виртуальной личности, используя компьютерные программы (что связывает виртуальную личность с искусственным интеллектом и роботехникой).¹

В начале 90-х академический мир замер в ожидании грандиозных изменений, которые должен был принести интернет² – преобразования посюсторонних идентичностей в подобие идентичностей виртуальных, и, шире, превращение оффлайна в придаток Сети.

Ничего не случилось...

Нельзя сказать, разумеется, что не случилось совсем ничего. Коммуникации стали быстрее, новые социальные Сети объединили

¹ Взято из статьи Евгения Горного «Онтология виртуальной личности»: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/ovr.html>

² Это отразилось в массовом производстве неуклюжих неологизмов, начинающихся со слов «кибер», «виртуальный», «сетевой» или «цифровой»: «киберсексуальность», «виртуальная личность», «сетевое сообщество» и т. д.

людей, которые иначе имели бы мало шансов встретиться, развились новые формы психологической зависимости, наконец, кристаллизовались новые формы социальной стратификации – общество разделилось на тех, кто имел возможность приобщиться ко всем этим благам, и тех, кто не имел. Не произошло, однако, главного – возникновения совершенно новых образцов социального взаимодействия. Люди стали общаться быстрее, через большие расстояния и иногда играть в этом общении роли, которые иначе им бы не достались – но сами эти роли остались прежними. Многие получили статусы, на которые вне Сети они не могли бы претендовать без огромных издержек, но получили они их лишь во временное пользование и, как правило, только для того, чтобы затем вернуть законным владельцам. В Сети имело место множество локальных переворотов, но не произошло ни одной революции, способной ввести совершенно новую статусную систему.

Возьмем пример, который чаще всего приводится, чтобы указать на независимость «виртуальной» личности от «реальной», – опыт выступления в роли представителя какой-то совсем другой аскриптивной категории, сойти за которого у выступающего не было бы никаких шансов в оффлайне. Многие пользователи интернета, заходившие в чат, приобрели в нем опыт смены пола, многие изменяли также возраст, некоторые – этническую принадлежность или гражданство. Само по себе, однако, отнесение себя к новой категории не делало эти категории менее устойчивыми – не более, чем детские игры в дочки-матери подрывают структуры семьи. Мужчины осваивали грамматические конструкции женского рода, женщины – мужского, но, несмотря на то, что, предположительно, внутри Сети грамматические роды не обозначают никакого актуального отличия, ни один них не вытеснил другой полностью, и оба они не были заменены средним родом.

Авторы некоторых из статей, которые читатель найдет в этом сборнике, на разном эмпирическом материале делают то же наблюдение. Базисные структуры разговора, типичные выражения эмоции, гендерный дисплей – все эти элементы межличностного взаимодействия в интернете носят хорошо знакомые черты своих

оффлайновых истоков.¹ Образования новых социальных форм в интернете не происходит, и изучение людей, профессионально более всего погруженных в него – скажем, программистов, не обнаруживают каких-либо заметных сдвигов по сравнению с теми, чей опыт жизни в Сети несравненно скромнее.² Разумеется, можно найти многие специфические черты программистской субкультуры. Но эти отличия могут быть сведены к действию факторов, никак не связанных с сетевым опытом как таковым, – работе в изоляции, необходимости оперировать символическим языком, который непонятен большинству не принадлежащих к профессиональной среде, а также специфическому механизму рекрутирования в профессию. Что отсутствует в этой субкультуре, так именно те эффекты, которых мы могли бы ожидать, исходя из теории о способности сетевого опыта переформатировать восприятия оффлайнового мира. Исследования программистов показывают, что

¹ Именно поэтому все помпезно озаглавленные проекты типа «киберсоциологии» или «веб-этнографии» стремительно заходили в тупик. После того как пионеры теорий сетевого общества ознакомили нас со своим утопическим видением эпохальных изменений, которое может принести интернет, о нем не было сказано ничего существенно нового – а то новое, что все же было сказано, оказывалось, по большей части, неверным. Причина, по которой попытки создать «киберсоциологию» предпринимались снова и снова, относится, видимо, к области социологии институтов науки. Исследовать интернет можно с минимальными финансовыми затратами и максимальным комфортом, и сама эта область производит впечатление совершенно неизученной, а поэтому открытой для новичков с большими амбициями. В связи с этим десятки тысяч молодых ученых посвятили ей свои профессиональные дебюты. Каждый, кто прочитал больше дюжины выложенных в интернет текстов такого рода подряд, согласится, что они невероятно однообразны и крайне малооригинальны. Авторы этой книги, конечно же, составляют счастливое исключение.

² Конечно, в этом утверждении есть известная доля преувеличения – взять, например, смайлики, которые люди, часто пишущие электронные послания, постепенно начинают использовать даже в оставленных на комод записках. Тем не менее я рискну утверждать, что такого рода заимствования носят (пока) сугубо локальный характер.

они не ощущают себя в большей степени «гражданами мира»¹, не переживают ущерб, нанесенный их «лицу» на публике менее болезненно,² наконец, что их восприятие противоположного пола не отличается меньшей стереотипностью.

Почему же сетевой опыт внес так мало в изменение человеческих взаимоотношений? Один возможный ответ на этот вопрос указывает на соображения когнитивной лениности.³ Разработка новых моделей взаимодействия требует весьма значительных усилий, в то время как воспроизводство старой модели происходит более или менее автоматически.⁴ Стремление сохранить максимум внимания для решения более актуальных задач отодвигает поиски новых путей взаимодействия на задний план – и в результате время для них так и не приходит. Если этот ответ правилен, то, возможно, изменений только *пока* не видно. Рано или поздно инновации все же

¹ Так, например, российские хакеры, материалы по которым автор настоящей статьи в свое время собирал, очень часто обнаруживают все разновидности этнических предрассудков и выражают радикально националистические политические убеждения. И их этническая идентичность, и политическая позиция является при этом частью представления себя как в Сети, так и за ее пределами. Такое положение может быть связано с несколькими обстоятельствами. Одним из них является связь сообщества компьютерных профессионалов с военно-промышленным комплексом, в котором многие из них начинали свою карьеру и который до сих пор является одним из основных источников заказов. Влияние опыта виртуального общения, если оно и существует, недостаточно, чтобы компенсировать важность конфигурации экономических интересов.

² Это неизбежно должно было бы наблюдаться, если бы опыт обладания виртуальным Self уменьшил бы степень их эмоциональной привязанности к их реальному «лицу».

³ Подробно основанные на нем соображения изложены в статье Татьяны Сафоновой в этом сборнике.

⁴ Заметим, что инерция, которая здесь имеет место, – весьма своеобразного рода. Она не мешает экспериментировать с примеркой новых ролей. Она мешает вносить изменения в их систему. Интериоризация ролей, которую такой паттерн вариации подразумевает, – это интериоризация не ролей, а систем отношений между ними (Бэйтсон, 2000).

будут иметь место, и, поскольку они будут так хорошо подходить к существованию в электронной среде, то постепенно распространятся: вначале среди профессионалов в этой области, затем – среди всех остальных пользователей. Если это так, однако, то мы находимся лишь на самых первых стадиях этого процесса, и вряд ли можем себе представить, как он будет развиваться в дальнейшем.

Во многих отношениях эта интерпретация выглядит весьма убедительной. Однако она сталкивается с одним фундаментальным затруднением: если человеческие существа так консервативны, как она предполагает, то чем можно объяснить широчайшую популярность общения в интернете? Привлекательность электронной почты можно интерпретировать как следствие ее практических удобств – скорости, надежности, дешевизны, способными заставить когнитивных лентяев все же решиться на ее использование. Но каковы практические удобства чатов по сравнению с более традиционной болтовней? Пользоваться электронной почтой нас принуждают условия, складывающиеся на рабочем месте. Посещение чата или ведение электронного дневника, однако, в современном обществе является, как правило, выбором, не навязанным никакими профессиональными соображениями.

Другое возможное объяснение отсылает нас к теории ритуалов Дюркгейма, главным защитником которой в настоящее время выступает Рэндалл Коллинз (Durkheim, 1968; Коллинз, 2002). Если суммировать их аргументы очень коротко, Дюркгейм настаивал на том, что интеракция лицом к лицу свойственно создавать особое эмоциональное напряжение, которое делает опыт, полученный в них, заведомо более важным при выборе дальнейших моделей суждения и действия, чем знания, позаимствованные из книг или каких угодно форм безличной коммуникации. Чтобы быть воспринятыми, абстрактные категории должны быть укоренены в конкретных событиях, в которых люди участвуют вместе с другими: например, в религиозных ритуалах. Логично предположить, что дистанционное сетевое взаимодействие никогда не создает эмоционального напряжения нужной силы, чтобы изменить социальные модели, подкрепленные опытом взаимодействия лицом к лицу. Станным образом, несмотря на то, что это объяснение слабости сетевого

опыта непосредственно связано с классикой, которую осваивают все социологи-первокурсники, оно ни разу не встречалось автору в исследованиях интернета.

Однако при всей оригинальности и силе дюркгеймовской теории она опирается на исходные положения о человеческой природе, которые многие исследователи отказывались принять. Ниже предлагается несколько иной подход к анализу интернет-коммуникаций, который, как представляется автору, способен пролить некоторый свет как на причины ее привлекательности, так и на ограниченность ее влияния на социальную жизнь в целом, не прибегая при этом к допущениям об особых свойствах общения лицом к лицу. Своим появлением этот подход целиком и полностью обязан Эрвину Гоффману.

2. Живые Журналы как каналы подачи персональных данных

«Каждый раз, когда индивид попадает в поле зрения других людей, они стараются получить о нем как можно больше разнообразной информации».¹ Эта информация является основанием для решения, иметь ли с ним дело вообще, и, если иметь, то какого рода обращения он заслуживает. Соответственно, стремление держать окружающих нужным образом информированными (или дезинформированными) о своих свойствах, намерениях и действиях является фундаментальной задачей, решение которой встает при любом взаимодействии между человеческими существами.² Любой тип взаимодействия между человеческими существами характеризуется, с этой точки зрения, возникающей в его рамках системой каналов распространения персональной информации. Одним важным элементом подобных систем являются *режимы раскрытия информации*, определяющие, какого рода сведения поступают от Эго к Альтер и в каком порядке. Двумя очевидными

¹ “When an individual enters the presence of others, they commonly seek to acquire information about him or to bring into play information they already possess”(Goffman, 1969: 1)

² Такова общая отправная точка для теоретиков, в остальном таких разных, как Парсонс, Гоффман, Гарфинкель и Луман.

полюсами здесь предстают административно-бюрократические и терапевтический режимы. Административно-бюрократические режимы стремятся свести Эго к набору четко определенных «объективных» параметров, в идеале превращаемых в крестики или галочки в графах анкеты. Задача анкеты состоит в том, чтобы не допустить проникновение к Альтер никаких сведений об Эго, кроме тех, которые могут быть закодированы в ее графах, тем самым предельно сузив соединяющий их информационный канал. Напротив, терапевтические режимы – опять же в идеале – ставят целью получение *всей* информации об Эго, и устроены таким образом, чтобы максимально затруднить ее сокрытие. Фактически, именно попытки сокрытия, как свидетельства «сопротивления», являются маркерами, определяющими дальнейшие направления работы терапевта, например, в психоанализе.¹

С точки зрения индивида, любой режим раскрытия информации несет в себе два типа неудобств. Проблема первого рода, возникающая в практически каждой ситуации взаимодействия, заключается в том, что ситуация заставляет своих участников выдавать сведения, которые они предпочли бы скрыть – информацию об атрибутах Эго, без обладания которой отношение Альтер к нему было бы благосклоннее. Для этого рода атрибутов Гоффман вводит свое знаменитое понятие «стигмы».² Наличие у индивида стигматизирующего признака порождает специфическую логику взаимодействия. Так, например, тот может ограничивать свои

¹ Разумеется, существуют режимы, которые ведут к единству этих противоположностей, и именно их развитие, как настаивал Фуко, характеризует современные западные общества (Фуко, 1999). Заметим также, что никакой реально существующий терапевтический режим не является полностью соответствующим описанному выше идеальному типу. Врачи, которые могут потребовать от нас предоставить им для инспекции наши половые органы, как правило, не обладают лицензией на то, чтобы вдаваться в расспросы о наших сокровенных чувствах, а те, кто имеет право копаться в последних, не встретят понимания, предъяви они претензии на первое.

² Стигма есть «атрибут, наличие которого отличает индивида от других представителей социальной категории, к которой он может быть отнесен, и, в некотором роде, делает его хуже, чем они» (Goffman, 1963: 3).

отношения с другими людьми только теми их разновидностями, которые не повлекут за собой раскрытия его скрытого недостатка. Именно таким свойствам сетевой фольклор часто приписывает пристрастие многих людей к общению в чатах, гарантирующему, что их физическая непривлекательность или патологическая застенчивость не станут препятствием в общении, каким они обычно становятся в повседневной жизни.

Проблема второго рода представляет собой полную противоположность предыдущей. Все мы можем претендовать на обладание достоинствами, которые, как нам кажется, делают нас лучше, чем другие обычно заключают на основании знакомства с более видимыми нашими атрибутами. Однако обычные режимы взаимодействия, предлагаемые в настоящий момент обществом, не дают возможности продемонстрировать эти достоинства окружающим или дают, но только после того, как будут обнаружены наши менее привлекательные атрибуты, и общее впечатление будет безнадежно испорчено.¹ Те из нас, кто предполагает, что обладает тонким и изысканным юмором, часто оплакивают недостаток сообразительности, превращающий его в лестничное остроумие, а те, кто считает себя непревзойденными сексуальными искусниками, могут страдать из-за появления ранней лысины, часто затрудняющей им путь к тому, чтобы продемонстрировать свои действительно сильные стороны. Если бы первые нашли режим взаимодействия, позволяющий им брать чуть больше времени на раздумье перед каждой репликой, чем это обычно допускается в светской беседе, а вторые обнаружили социальный контекст, позволяющий завязывать отношения в полном мраке, они могли бы надеяться получить от других больше, чем им это обычно удается.

Любой существующий канал передачи информации в некоторых ситуациях оказывается слишком узким, чтобы сквозь него

¹ Было бы неплохо, по аналогии с дискредитирующей стигмой, подыскать какой-то термин для этих совершенствующих идентичность свойств. Я затрудняюсь, однако, предложить что-либо менее неуклюжее, чем «дистинкция» или «инсигния», – термины, по меньшей мере, оставляющие желать лучшего.

можно было бы пропустить все сведения, которую индивид хотел бы сообщить о себе, а в других – наоборот, слишком широким, чтобы можно было скрыть нежелательные данные, и почти никогда очередность их истечения не бывает такой, какой хотелось бы. Любое межличностное взаимодействие включает в себя множество маневров, направленных на то, чтобы извлечь лучшее из тех ограниченных возможностей, которые предоставляет наличная информационная система, или отыскать лучшую систему. Именно этот поиск приводит многих людей в интернет. Далее мы остановимся подробнее на типах ограничений, которые сокращают пропускные способности большинства существовавших до эры интернета каналов, а также рассмотрим то, как дневниковые серверы позволяют обойти многие узкие места в них. Условно эти ограничения можно разделить на 5 групп: культурные, когнитивные, технические, моральные и стратегические.

Культурные ограничения представляют собой дефицит моделей выражения идей и чувств, которые предоставляет данная цивилизация. Чтобы представить себе, о чем идет речь, достаточно вспомнить о всех тех эпизодах, когда, например, наличный словарь эмоций, называющий «любовью» или «печалью» сотни самых разных переживаний, похожих друг на друга, как гиена на шотландскую овчарку, не давал нам никакой возможности сообщить другим, что же мы ощущаем в данный момент.

С *когнитивными* ограничениями мы сталкиваемся тогда, когда обнаруживаем, что не можем в наличной ситуации воспользоваться в должной мере даже теми ограниченными ресурсами, которые культура все же предоставляет в наше распоряжение. Мало кто может похвастаться способностью экспромтом передать свое эстетическое восхищение деталями ландшафта. Очевидно, что когнитивные и культурные ограничения состоят в некотором роде в отношениях дополнительности. Индивид, если он одарен, как Марсель Пруст, может раздвинуть границы экспрессивных идиом своего общества – правда, очень часто, только ценой тех жертв, примерами которых полна биография Пруста.

В области *моральных* запретов мы обнаруживаем себя, когда сталкиваемся с нормативными ограничениями на передачу

некоторых мыслей некоторым адресатам некоторыми способами. Моральные ограничения слишком многообразны, чтобы можно было здесь описать их все. Ограничимся одним важным примером: запретом на свободное распространение той информации о себе, которая может спровоцировать нелестные для присутствующих сравнения с ними. Этот пример относится к области исследованных Гоффманом соображений такта, запрещающих нам говорить, писать или делать что-либо, что может поставить другого человека в неловкое положение, так как направит фокус внимания данной интеракции на те его атрибуты, которые он сам мог бы желать оставить в тени (Goffman, 1963; Goffman, 1967). Хвастовство своими спортивными успехами среди паралитиков, упоминание о красоте музыки в присутствии оглохших, или о веревке – в доме повешенного являются здесь подходящими иллюстрациями.

Стратегические ограничения возникают, поскольку большинство актов передачи информации о себе помещены в контекст других таких же актов, и все участники взаимодействия вступают в него, подозревая, что другие будут вести с ними (и, иногда, против них) игру, целью которой является проекция предпочтительного представления о себе. Причина, по которой в повседневной жизни мы не рискуем приписывать себе многие весьма желательные, с точки зрения впечатления о нас, атрибуты, состоит в том, что дальнейшие события могут продемонстрировать, что мы в действительности ими не обладаем. Иногда индивиды решаются, однако, на подобный обман, в надежде на то, что некие важные стратегические выигрыши будут получены до того, как он раскроется, – тактика, на которой построены многие виды мошенничества и соблазнения. Однако большинство людей в нашем обществе достаточно рано составляют для себя каталог намерений, ради которых их могут вводить в заблуждение, и оценивают информацию, которую другие поставляют им о себе, с точки зрения этих сомнений. Мы все знаем, что незнакомцы могут рассказывать о себе невесть что, чтобы получить наши деньги, наши тела или просто незаслуженное ими почтение.

Эти сомнения порождают множество затруднений для большинства видов взаимодействия. Фактически, мы часто

вынуждены смириться с тем, что даже ресурсы, которыми, как мы знаем, мы в действительности обладаем, не могут быть использованы в интеракции, так как, обладая ими самими, мы не обладаем достаточными доказательствами своих прав на них, которые можно было бы предъявить. Некоторые самые захватывающие, но при этом абсолютно правдивые истории о нашей жизни лучше не рассказывать при первом знакомстве, чтобы не прослыть фантазерами или хвастунами.¹ Как и во многих других обстоятельствах социальной жизни, позиция участника взаимодействия усиливается тогда, когда он обладает доказательствами того, что его свобода маневра существенно сужена, в данном случае доказательствами того, что ложь, если она будет иметь место, быстро окажется раскрытой с весьма неприятными для него последствиями.² Невероятные истории о

¹ Гоффмана с первой же его опубликованной работы (Goffman, 1951) особенно занимали такие виды стратегических ограничений. Подробнее всего они рассматриваются в «Стратегической интеракции» (Goffman, 1969), написанной на материале всевозможных шпионских историй. Вот один очаровательный пример, который, однако, Гоффман не приводит. В 1913 г. на связь с руководством французской разведки вышел офицер германского Генштаба, передавший в распоряжение армии противника полный план немецкого вторжения во Францию. Свой поступок офицер мотивировал обидой на начальство, не продвинувшее его вовремя по службе. История его выглядела настолько неубедительной и настолько похожей на дезинформацию, что французы даже не удосужились изучить переданные им бумаги. Через год, однако, германские войска начали наступление в полном соответствии с переданным планом, к тому времени уже надежно погребенном в каком-то архиве (в котором он случайно обнаружился только после Мировой войны). Сложность положения германского офицера заключалась в том, что его поступки слишком хорошо укладывались в широко известную схему разведывательной дезинформации, и в сложившейся ситуации он не мог предоставить никаких доказательств того, что играет в совсем другую игру. Парадоксально, но если бы он попросил за свои документы значительную сумму денег, французы могли бы отнестись к нему гораздо серьезнее.

² Общая теория таких доказательств, которые называются в англоязычной литературе непереводаемым на русский термин *commitment*, развивалась Томасом Шеллингом (Schelling, 1960).

своей жизни лучше всего рассказывать в присутствии свидетелей тех событий, особенно таких свидетелей, о которых известно, что они рады были бы уличить рассказчика во лжи. Теории виртуальной идентичности считают, что интернет является средой, в которой предоставление подобных доказательств в принципе невозможно. Как мы увидим дальше, однако, во многих разновидностях сетевой коммуникации, и, в частности, в дневниках, имеет место прямо противоположное.

Наконец, *технические* ограничения наиболее очевидны и заключаются в сложностях доставки нужной информации всем желаемым получателям из-за отсутствия физических возможностей сделать это. Знакомые всем примеры могут быть взяты из средневековой истории, когда важные документы, которые нужно было распространить по обширной территории, сначала требовалось переписать в значительном количестве экземпляров, а потом – разослать с гонцами, с которыми по дороге могло случиться все, что угодно.

Итак, что такое электронный дневник?¹ Очень коротко, он представляет собой свободно доступный всем пользователям интернета, (но не адресованный никому конкретно) преимущественно вербальный отчет об избранных событиях жизни своего автора и его комментарии по их поводу, а также комментарии, которые, по поводу каждой записи, на специальной странице оставляют посетители, и комментарии владельца дневника к их комментариям, и т. д. Обычно дневник включает также список друзей автора, чьи сообщения он получает, как только они появляются в Сети, и список тех, кто избрал в друзья его, а также список его интересов и некоторые биографические данные.

Это определение требует некоторого количества оговорок. Во-первых, существуют закрытые дневники, с точки зрения этой статьи, ничем не отличающиеся от своих более традиционных, хранимых в закрытом на ключ ящике стола версий. Далее они не

¹ Здесь не приводится подробное описание работы дневникового сервера. Любой заинтересованный читатель, по какой-то случайности не знакомый с этим предметом, может получить о нем полное представление, зайдя на сайт www.livejournal.com.

рассматриваются, хотя, несомненно, они также могут служить средством коммуникации, если пароль к ним предоставляется их автором кому-то еще. Надо думать, обмен такими паролями практикуется влюбленными на некотором этапе взаимоотношений, когда стороны считают нужным засвидетельствовать, что они готовы предстать друг перед другом во всей полноте своего Я, и что игры с порядком представления сведений о себе ими закончены. К несчастью, игры не заканчиваются никогда, поскольку те, кто склонен к подобным жестам, пишут свои дневники с расчетом (редко полностью сознательным) на такое использование, а те, кто получает от них пароль, могут их в этом подозревать.

Во-вторых, большинство дневников включают в себя фотоальбом, а некоторые содержат аудио– или видеофайлы, однако, только относительно очень немногих авторов может сложиться впечатление, что именно эти материалы являются основным содержанием их записей. В-третьих, существует разновидность дневников, принадлежащих, как правило, весьма известным в каких-либо узких кругах персон, которые практически не содержат сведений об их собственной жизни. Вместо этого такие дневники предоставляют читателю хронику творческих исканий их авторов или их комментарии на события политической или культурной жизни. К этой категории относятся некоторые из самых популярных в Рунете дневников, включая чемпиона LiveJournal'a по количеству друзей Сергея Лукьяненко. Однако их доля в общем массиве дневников крайне невелика. В дальнейшем, если это только не оговаривается специально, в этой статье обсуждаются только дневники менее известных персон, пишущих, в основном, о себе.

Для того чтобы оценить, каковы были те преимущества, которые предоставляет дневник как канал раскрытия персональной информации, попробуем сравнить его с возможностями каналов, обычно используемых для передачи аналогичных данных. Представим себе, что мы желали бы известить своих знакомых о каких-либо событиях нашей жизни, свидетелями которых они не были, или о тех, которые они наблюдали, но наше мнение о которых им неизвестно. Простейший способ сделать это – рассказать им об

этом лично или в письме.¹ Наиболее одаренные и известные из нас, а также занимающие подходящие профессиональные позиции, могут рассчитывать на то, что какая-либо редакция возьмется опубликовать их творения в виде книги или статей, заплатив за это гонорар², или даже на то, что кто-то из журналистов заинтересуется их историей и напишет ее за них. Для большинства из нас, однако, этот канал закрыт.

С точки зрения задачи управления потоками персональной информации, прямые личные коммуникации имеют ряд существенных недостатков. Наиболее очевидным образом это относится к их техническим ограничениям. И организация доверительных бесед, и написание писем – достаточно трудоемкое занятие,³ в связи с чем дневники часто начинают вести люди,

¹ Существуют и более сложные каналы, включающие посредников. Для того, чтобы довести некоторые сведения о себе до Альтер, Эго может сообщить их посреднику, про которого известно, что он с большой вероятностью передаст их Альтер. В повседневной жизни, однако, этот канал зачастую оказывается совершенно неудовлетворительным из-за непредсказуемости большинства посредников. Надежды на его использование систематически возлагают только опытные интриганы или отчаявшиеся влюбленные.

² Из современных российских писателей Эдуард Лимонов может считаться автором одного дневника, растянувшегося на полторы дюжины книг.

³ Электронная почта несколько расширила этот канал, в том числе за счет возможностей операции «копировать-вставить», позволяющей использовать один и тот же фрагмент текста в нескольких письмах. Эта уловка, однако, не лишена своих недостатков, связанных с возможным разоблачением и разочарованием адресатов, обнаруживших, что отправитель поленился написать что-либо лично им. Моральные сомнения, связанные с подобными трюками, также не стоит сбрасывать со счетов. Автор дневника избавлен от этих неудобств, так как может ограничиться единственным посвященным себе текстом и отсылать всех заинтересованных к нему. Дневники, правда, не свободны от неудобств несколько иного рода, так как их авторы не осведомлены, кто из знакомых читал какую часть их истории, и в дальнейшем при личной встрече вынуждены каждый раз интересоваться, видели ли те уже отчет о случившемся. Теоретически активно пишущий автор может попасть в

оказавшиеся в ситуации, в которой желательно держать осведомленными многочисленных далеких друзей о событиях своей жизни – скажем, уехавшие на долгую стажировку. Запаздывание адресованных конкретным лицам сообщений становится особенно существенным в случаях, когда требуется немедленный комментарий, скажем, для того, чтобы каким-то образом заставить получателя информации иначе взглянуть на только что произошедшие события.¹ Некрасивая сцена, случившаяся при большом стечении знакомых, требует последующей ремонтирующей коммуникации, способной изменить их впечатления о роли Эго в этом событии. Организовать личный доверительный разговор с каждым свидетелем инцидента в ограниченный период времени может оказаться затруднительным, а последующее возвращение к этому эпизоду при каком-либо удобном случае – создать впечатление, что он имеет для Эго особую важность (что Эго, весьма возможно, будет отрицать). Если мы представим себе, однако, что каждый из участников некрасивой сцены ведет дневник, и они включены во френд-ленты друг друга (для многих офисов – вовсе не нереальное предположение), то комментарий достигнет всех вовлеченных в инцидент в тот же вечер.²

Главный недостаток писем и разговоров лицом к лицу, однако, заключается не в этом, а в самой их направленности,

ситуацию, когда все без исключения истории о нем его читателю уже известны, и ему просто нечего поведать о себе за кружкой пива. Практически, однако, мало кто приближается к этому пределу самораскрытия в дневнике.

¹ Сходные функции имеют многие встроенные в более традиционные виды коммуникации опции, такие, как сноски в научном тексте, реплики в сторону в театральной пьесе или описанные Гоффманом *response cries* (Goffman, 1981).

² Описанное здесь свойство дневников иногда используется для принесения извинений, так как озвученное в дневнике сожаление, с одной стороны, является публичным признанием своей вины, способной удовлетворить оскорбленного даже больше, чем извинение частное, а, с другой стороны, дается большинству людей легче, чем «прости», произнесенное в глаза. Почему это так, потребовало бы специального исследования.

адресованности конкретному контрагенту. Дневник отличается от этих каналов передачи информации прежде всего тем, что автор не знает в точности, кто, кроме включенных в его френд-ленту, увидит сообщение, и даже в отношении включенных у него не может быть полной уверенности, что они его прочитают. С другой стороны, они знают, что он не знает наверняка, читают ли они его, а он знает, что они знают, и так далее. Парадоксальным образом этот кажущийся изъян снимает множество ограничений, прежде всего морального свойства. Поскольку дневник не пишется ни для кого конкретно, и автор может претендовать даже на то, что не пишет его ни для кого, кроме самого себя, замечания, которые, будучи высказанными в физическом присутствии части читателей, могли бы быть расценены как бестактность, в дневнике совершенно теряют этот характер. Так как точный состав аудитории дневниковой записи неизвестен ни автору, ни, тем более, самой аудитории, многие запреты на распространение информации, принижающей других, здесь не действуют.

В дневнике можно хвастаться практически чем угодно и как угодно, не вызывая у читателей того осуждения, которое это хвастовство вызвало бы, будь оно озвучено в их физическом присутствии. То же, что касается распространения информации, возвеличивающей Эго и потенциально угрожающей Альтер нелестным для него сравнением, относится и к информации, задевающей Альтер напрямую. В качестве мысленного эксперимента, представьте себе мужчину-преподавателя средних лет, который внезапно услышал от студентки критику в адрес своей манеры одеваться, а затем такого же преподавателя, прочитавшего те же замечания в дневнике этой же студентки. Первый, вероятно, весьма смутился бы, заподозрив в этих комментариях или попытку оскорбления, или необъяснимую и угрожающую фамильярность. Второму, вероятно, даже несколько польстило бы то, что он вообще рассматривается женской частью своей аудитории как объект, подлежащий расположению на шкале внешней привлекательности-непривлекательности (и с гораздо большей вероятностью было бы воспринято как руководство к смене стиля одежды, чем прямая инструкция, поскольку следование полученной лично инструкции в

такой ситуации могло бы быть расценено свидетелями как необъяснимая податливость).

В целом, электронный дневник в достаточной степени воспринимается как литературное произведение для того, чтобы многие нормативные ограничения, относящиеся к обращенной к конкретному адресату речи, на них не распространялись. Не касаясь интереснейшей проблемы происхождения этих запретов, отметим только, что длинные изящные пейзажные зарисовки или повествования, касающиеся событий внутренней жизни, как правило, считаются весьма неуместным содержанием для адресованных одному собеседнику посланий. В особенности это касается разговоров, в которых излишние красоты являются табу. В дневнике, обращенном, по крайней мере, по форме, к самому себе, двадцатистрочное описание восходящей луны не производит впечатления чего-то неуместного, и те, кто предполагает, что их упражнения в этом жанре способны расположить читателя к ним как к персонам, обладающим литературным даром, могут надеяться извлечь много пользы из этого ослабления запретов.

Наконец, остановимся на стратегических преимуществах, которые дает коммуникация с помощью дневника. С одной стороны, она позволяет индивиду построить перед глазами читателей отредактированную и облагороженную картину своего прошлого и своей повседневной жизни.¹ С другой стороны, та картина, которая все же появляется в дневнике, проходит своеобразный тест на правдивость. Поскольку дневник открыт для всех, прямая ложь

¹ Было бы интересно изучить ту степень раскрытия сведений о частной жизни индивида, на которой настаивают читатели его дневника. На первый взгляд кажется, что автор полностью свободен умалчивать о любых происходящих с ним событиях. Некоторые регулярно пополняемые дневники не содержат никаких намеков на личные драмы, которые их владелец переживал в то время, когда заносил в них записи о своей профессиональной жизни и встречах с друзьями. Тем не менее люди, близкие к постоянно пишущим авторам, склонны, видимо, испытывать некоторую ревность по отношению к своим появлениям в дневниках последних и желают обнаруживать в них доказательства того, что они играют в жизни их владельцев некоторую роль. В этом смысле, свобода умолчания имеет свои пределы.

относительно каких-либо фактов в нем имеет все шансы быть раскрытой в самом скором времени. Исключение составляют, разумеется, дневники, в которых все без исключения детали биографии автора вымышлены и читателями которых становятся только люди, лично с ним незнакомые (или случайно знакомые, но не подозревающие о тождественности автора и человека, которого они знают). Теоретически такие дневники возможны, практически, однако, как легко убедиться, пройдясь по случайным образом отобранным страницам на любом дневниковом сайте, они представляют собой достаточно редкое явление.¹ Лишь очень немногие дневники содержат такой минимум деталей, какой сделал бы прямое разоблачение маловероятным. В большинстве содержатся указания на место работы или обучения и другие подробности, которые могут быстро привести к автору – или к констатации того, что автор не является тем, за кого себя выдает.² Что еще более существенно, большинство пополняемых дневников содержат указания на дневники людей, с которыми автор лично знаком. Их владельцы выступают своеобразными гарантами того, что все сказанное им – правда. В этом смысле дневник дает возможность своему автору связать себя подобием клятвы перед дачей свидетельских показаний, которая придает всему зафиксированному им в дневнике большую веру в глазах читателей, чем имело бы написанное в частном письме или сказанное при личной встрече.³

¹ Исключение составляют специальные сайты с дневниками заведомо вымышленных персонажей (см. статью Дарьи Васильевой в настоящем сборнике).

² Особенно если учесть распространившуюся практику поиска по ключевым словам своих знакомых, о ком еще не известно, что они пишут дневники, или не известно, под каким именем они это делают.

³ Поэтому занесенные в дневник указания на начало романтических отношений носят статус, сходный с рассылкой по почте объявления о помолвке. Эта опция иногда оказывается привлекательной, так как это действие может быть проделано в одностороннем порядке партнером, более энергично настаивающему (настаивающей) на развитии отношений – и менее решительному партнеру останется или смириться с произошедшим, или высказать претензии, которые, вероятно, немедленно приведут к полному разрыву.

До сих пор мы обсуждали те возможности, которые открываются перед автором дневника. Теперь надо сказать кое-что о преимуществах, которые получают читатели чужих дневников. Первая важная функция дневников в этом смысле – обеспечивать систему поиска по атрибутам, обладателей которых в повседневной жизни относительно сложно обнаружить. Списки интересов, участие в сообществах и записи в дневниках друзей позволяют тем, кто заинтересован в поиске индивидов с определенной конфигурацией свойств сравнительно быстро отыскивать нужных им людей. Далее, отыскав их, читатель может, проглядев записи, так же быстро оценить все остальные свойства индивида, создав подобие досье. Сравним это с возможностями, которые предоставляют более традиционные каналы знакомства. Сходные функции сведения вместе людей, которые, возможно, нуждаются друг в друге, выполняют вечеринки у общих знакомых, профессиональная периодика, кружки по интересам, рекрутинговые агентства, конференции и летние школы, свахи и газеты частных объявлений. Их использование, однако, оказывается обычно достаточно дорогостоящим – в смысле времени, а иногда и денег – предприятием. Чисто технически дневники позволяют рассмотреть значительно большее количество кандидатов и собрать о них существенно больше более надежной (за счет встроенных в процесс написания дневника тестов правдивости) информации, чем какой-либо из вышеперечисленных способов.

С точки зрения самого автора, то, что заинтересованные в нем персоны пользуются именно такой стратегией поиска, также может иметь ряд существенных преимуществ. С одной стороны, дневниковый режим подачи информации переворачивает последовательность, в которой поступают сведения об индивиде в большинстве других режимов. Так, в додневниковую эру знакомство людей, которые могли рассчитывать на то, что станут друзьями или возлюбленными, начиналось обычно с того, что они получали информацию о физическом облике друг друга, затем – о манерах, голосе и интонациях и лишь затем постепенно собирали данные об

интересах и характере¹. На каждом этапе некоторое количество потенциальных кандидатов отсеивалось, и те, кто верил, что их личность способна расположить к себе больше, чем их внешность, несомненно, жалели об этом.

Из этого можно было бы извлечь гипотезу, согласно которой дневники были придуманы и в основном пишутся теми, кто верит, что их внутренний мир привлекательнее их внешности. Однако это не обязательно верно. Легко можно представить себе людей, которые не хотели бы, чтобы оценка всех их человеческих свойств происходила под впечатлением от их внешности, насколько бы выигрышными эти впечатления не оказывались. Мэрилин Монро, судя по тому, что о ней известно, вполне могла бы завести содержащий минимум подробностей об авторе дневник и даже подыскать себе очередного избранника среди других авторов, не знающих, с кем они имеют дело. В целом близкое знакомство неизбежно ведет к все более полной оценке разнообразных атрибутов друг друга. Узкие места, с которыми сталкивается индивид, могут располагаться уже на самых ранних этапах взаимного раскрытия в том виде, в каком они предусмотрены существующими режимами поставки информации – как для людей физически непривлекательных в ситуации, когда знакомство между потенциальными брачными партнерами начинается с личного представления. Однако для других людей они могут располагаться и на более поздних этапах и быть от этого не менее болезненным – как для людей привлекательных, но обнаруживающих, что привлекают они, прежде всего, тех, с кем впоследствии не могут построить сколько-нибудь стабильные отношения. Не существует единственной оптимальной стратегии раскрытия информации о себе – конкретный выбор диктуется множеством соображений, включая конфигурации атрибутов индивидов и стоящие перед ним цели. Как правило, однако, дневники пишутся теми, кто избирает наиболее простую и честную стратегию – одновременную поставку

¹ Исключения, такие как романы по переписке между заключенными или солдатами и женщинами, которые их никогда не видели, безусловно, существовали. Однако, похоже, подобные сюжеты чаще встречаются в литературе и кинематографе, чем в реальной жизни.

как можно большего объема информации, позволяющей избежать как завышения, так и занижения ожиданий.¹

Заключение

Какие следствия имеет все сказанное выше для построения более общей теории взаимодействия в интернете? Мы видели, что, как режим раскрытия персональной информации, онлайн-дневник имеет существенные преимущества перед своими наиболее близкими аналогами – письмами и разговорами лицом к лицу. Каждый, кто когда-либо вел подобный дневник или читал чужой, знает, что эти возможности повсеместно используются: в данной статье отстаивается та точка зрения, что именно они ответственны за популярность Живых журналов.

В этом пункте и коренится главное несогласие с теориями виртуальной идентичности. Эти теории предполагают, что интернет порождает новый тип социальных отношений. Однако пользователи дневников используют их, чтобы дружить, приобретать профессиональные контакты и временами влюбляться друг в друга – иными словами, делать то, что они делали и без дневников, но используя для этого новые возможности, которые дневники предоставляют. Онлайн-дневник изменяет ход процесса, но не изменяет его направления и смысла для вовлеченных в него сторон. Если позволительно использовать такую метафору, теории виртуальной идентичности предполагают, что отношения в онлайн и оффлайн соотносятся как шахматы и шашки – т. е. являются принципиально разными играми. Мы видели, однако, что, по крайней мере, в случае с Живыми журналами (ЖЖ), они представляют собой два разные способа сыграть дебют в одной и той же социальной игре.

Привлекательность ЖЖ основана на тех возможностях раскрывать персональную информацию, которые они предоставляют, т. е., решать задачу, которая сама по себе стара как мир. Однако справедливо ли это для всех видов коммуникации в

¹ Тем не менее стоит отметить, что более половины взятых наугад русскоязычных дневников не содержат фотографии их владельца.

интернете, включая чаты и форумы? На первый взгляд, чаты разительно отличаются от дневников. Как режим раскрытия информации, они делают практически невозможным передачу сколько-нибудь обширных объемов данных и еще менее невозможным предоставление гарантий того, что сообщенные сведения правдивы.¹ Это не значит, однако, что никаких оффлайновых аналогов не существует. Разговоры в купе поезда или знакомства на курорте, вообще говоря, разделяют многие из свойств чатов, хотя эти свойства и выражены в них в меньшей степени. В купе можно ввести в заблуждение в отношении своей классовой принадлежности, но не в отношении своего возраста. И тем не менее и знакомство в купе, и болтовня в чате обладают неким сходством, основанным на том, что в них эксплуатируется одни и те же особенности информационных каналов. Они осуществляются в конечном счете по одним и тем же правилам.

Эти правила представляют собой, вероятно, части той универсальной грамматики информированности, которая возникает из фундаментальной социальной потребности предвидеть действия партнеров по интеракции.² Новые конфигурации каналов, по которым притекает и истекает информация, сродни в этом смысле новым фразам, которые понимаются или изобретаются нами, даже если мы слышим их впервые. Мы видели также, что, хотя в точности такой же конфигурации каналов, которой является онлайн-дневник или чат, нигде более не существует, отдельные ее элементы очень сходны со знакомыми нам формами социальных взаимодействий, и именно это ощущение знакомости ответственно за столь быстрый рост популярности общения в интернете.

По сходной причине теряет силу и последний аргумент,

¹ Тем не менее существует богатый фольклор о знакомствах в чатах, закончившихся подвенечными платьями и детскими колясками. Как часто статистически реализуются такие сценарии в реальной жизни, автору не известно, как, вероятно, неизвестно и большинству посетителей чатов. Однако о том, что в принципе такое развитие отношений с теми, с кем они болтают в данный момент, не исключено, они не могут не знать.

² Вероятно, эта грамматика выучивается не позже, чем выучивается грамматика языка, и как предполагали Гоффман и Аарон Сайкурел, тесно связана с ней.

который теории виртуальной идентичности выдвигали в пользу уникальности сетевого опыта. Действительно, чат может использоваться для того, чтобы приписать себе иные демографические атрибуты, на которые его посетитель не смог бы успешно претендовать за пределами Сети. Однако разве сам процесс такого обмана не является чем-то знакомым каждому из нас? Даже если мы никогда в оффлайновой жизни не представляли себя особами иного пола или возраста, разве мы не притворялись систематически людьми, которыми (как мы более или менее точно знали) мы не являемся? Не стремились ли мы, особенно перед своими новыми знакомыми, спроецировать образ более эмоционально стабильного, дружелюбного и оптимистичного Я, чем то, с которым, как мы догадывались, им придется иметь дело, если мы познакомимся чуть ближе, тем самым имитируя обладание свойствами характера, которые, если верить обыденной теории, являются настолько же неотъемлемыми нашими свойствами, как биологический пол?¹ И разве то, что мы ощущаем «виртуальность» этих свойств, и догадываемся, что они являются скорее нашим достижением, чем присущими нам от природы атрибутами, уменьшает нашу веру в их важность? То же самое можно сказать и о тех демографических атрибутах, которые люди приписывают себе в Сети. Гоффман в «Представлении себя в повседневной жизни» демонстрирует, что подавляющее большинство социально значимых атрибутов индивидов существуют лишь постольку, поскольку индивиды прилагают волевые усилия по демонстрации обладания

¹ Здесь мы сталкиваемся с самым интересным из того, что может раскрыть глупая оппозиция «реальное – виртуальное», – тем представлением о реальности, которое подразумевают использующие ее. Пытаться представить себя иной личностью, нежели мы есть, во время первого свидания обычно не рассматривается как конструирование «виртуальной идентичности», поскольку имплицитно, под «реальными» ее атрибутами подразумеваются только те, которые удостоверены властными структурами путем занесения в паспорт и личные дела. Нет причин, однако, почему исследователям следовало бы воспринимать эту причудливую онтологию как что-то, кроме как объект для анализа.

ими.¹ Он демонстрирует также, что на уровне практических действий мы все осведомлены об этом. Возможности сойти за человека другого пола и возраста не может убедить нас в том, что они «просто игра», так как мы и без того знаем, что они являются игрой. Просто мы знаем также, настаивал он, что это та самая игра, которая и есть наша жизнь.

Литература

- Адорно Т. В., Хоркхаймер М.* (1997). Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медуим – Ювента
- Андерсон Б.* (2001). Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс/Кучково поле.
- Бауман З.* (2004). Глобализация: Последствия для человека и общества. М.: Весь мир.
- Брубейкер Р., Купер Ф.* (2002) 'За пределами «идентичности»' / *Ab Imperio*, № 3: 61–94.
- Бэйтсон Г.* (2000). Экология разума. М.: Смысл.
- Гирц К.* (2004). Личность, время и поведение на Бали // Клиффорд Гирц. Интерпретация культур. М.: Росспэн. С. 415–472.
- Коллинз Р.* (2002). Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Лиотар Ж.-Ф.* (1998). Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя.
- Маркузе Г.* (1995). Эрос и цивилизация. Киев: «Порт Ройаль».
- Мосс М.* (1996) Об одной категории человеческого духа: Понятие личности, понятие Я // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература РАН: 264–286.
- Фуко М.* (1999) Надзирать и наказывать: Рождению тюрьмы. М: Ad Marginem.
- Castells M.* (1997). The Power of Identity. Oxford: Blackwell
- Durkheim E.* (1968) The Elementary Forms of the Religious Life.

¹ Философское обоснование сходной позиции можно найти у Сартра, оказавшего на Гоффмана значительное, хотя и не всегда очевидное с первого взгляда, влияние.

- New York: The Free Press
- Gellner E.* (1983). *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell.
- Gleason Ph.* (1983) Identifying Identity: A Semantic History // *Journal of American History*. 69 (4): 910–31.
- Goffman E.* (1951) Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*, 11: 294–304.
- Goffman E.* (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Harmondsworth; Penguin.
- Goffman E.* (1969) *The Presentation of Self in Everyday Life*. London: Allen Lane.
- Goffman E.* (1969) *Strategic Interaction*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Goffman, E.* (1981) *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schelling T.* (1960) *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press.